

Дискуссии и обсуждения

Первая российская революция: проблемы и перспективы изучения

27 октября 2015 г. в Институте российской истории РАН состоялся «круглый стол», посвящённый актуальным проблемам изучения российской революции 1905–1907 гг. Участники дискуссии обсудили многие «узловые» проблемы Первой революции: динамику революционного процесса, роль в нём общественных сил и политических институтов, смысл вызванных революцией реформ государственного строя и перемен в политическом ландшафте страны, то, как революция изменила повседневную жизнь и культурную среду общества. Мы предлагаем вниманию читателей ряд статей, подготовленных по итогам «круглого стола».

Революция обуславливается «слабостью защиты, а не силой нападения»

Кирилл Соловьёв

**The «weakness of defense»,
not the «strength of attack» determines a revolution**
Kirill Soloviev (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)

Россия постепенно входила в революцию и столь же постепенно выходила из неё. Далеко не все современники отметили в качестве её начала «Кровавое воскресенье» и далеко не все согласились бы с позднейшими авторами, особо выделявшими «третьеиюньский переворот». Ещё 30 апреля 1905 г. издатель «Нового времени» А.С. Суворин делился с читателями сомнениями: «Вы знаете, что я не верил в русскую революцию и теперь ещё не знаю: верить или нет?»¹. Судя по всему, его сомнения рассеялись лишь в октябре. Предводитель же московского дворянства кн. П.Н. Трубецкой ещё в середине декабря 1904 г. доказывал, что «Россия находится ныне в эпохе революционного движения и анархии»².

Конечно, любые хронологические рамки – условность, и о них не стоит спорить, а надо договариваться. Однако в данном случае за выбором начальной и конечной даты революции стоит весьма значимая историографическая проблема: как понимать характер социальных и политических процессов тех лет. Тем не менее вне зависимости от ответа на этот вопрос для любого исследователя максимальная концентрация событий Первой русской революции падёт на 1905 г. Яркие события последующих лет станут лишь «эпилогом» к драме

© 2016 г. К.А. Соловьёв

¹ *Суворин А.С.* Русско-японская война и русская революция: Маленькие письма 1904–1908 гг. М., 2005. С. 292.

² *Трубецкая О.Н.* Князь С.Н. Трубецкой. Воспоминания сестры. Нью-Йорк, 1953. С. 99.

1905 г., а её развязку привычнее относить к октябрю того года. Однако такая расстановка акцентов отнюдь не была очевидной для современника, который как раз в 1905 г. не был уверен, что стал свидетелем «кульминации» революции, относя её к будущим временам.

Так, в октябре 1905 г. С.Ю. Витте писал, что подлинная революция в России пока не началась. Происходила ещё не «настоящая», но «идейная революция», выразившаяся в том, что крайние идеи завоевали симпатии масс. Прежде немыслимые лозунги обретали популярность. Это всё готовило будущий социальный взрыв, который правительство должно было предупредить: «Каждый лишний день уносит общественную мысль всё дальше и дальше. Ещё немного, и она окажется унесённою в пространство безграничное, в хаос идей. Страна сама не заметит, как окажется в хаосе действий. Тогда ничто не поможет. Тогда будет поздно»³.

Иными словами, Витте констатировал начало революционного процесса, который был запущен, дал уже некоторые результаты, но далеко ещё не принял тех масштабов, которых следовало во что бы то ни было избежать. Эта точка зрения была распространена в обществе. 29 октября 1905 г. Суворин отмечал, что революция «начинается с того момента, когда перестают слушаться правительство. Она выступила в образе ещё неясном. Ни лицо её, ни руки, ни рост ещё не определились явственно». Несколько дней спустя Суворин написал, что революция «показывает только цветочки, а ягодки ещё вереди»⁴. И исполняющий должность министра внутренних дел П.Н. Дурново ещё в ноябре 1905 г. полагал, что революция лишь начиналась в России, и со своей стороны дожидаться «ягодок» не собирался. Его ближайший сотрудник Д.Н. Любимов писал в воспоминаниях: «Дурново со свойственной ему некоторой грубостью в выражениях стал мне объяснять, что мы уже перешли из смуты в революцию, может быть покуда ещё деланую и искусственную, но фигура революции уже ясна. Все власть имущие хотели её ударить, но не решались. Все они с графом С.Ю. Витте во главе опасаются пуще всего общественного мнения, прессы. Боятся, вдруг лишат их облика просвещённых государственных деятелей. Мне же терять нечего, особенно у прессы. Вот я эту фигуру революции и ударил прямо в рожу и другим приказал: бей на мою голову. При теперешнем положении иных способов нет, да и вообще, особенно у нас в России, это один из наиболее верных»⁵.

Впрочем, были те, кто вовсе отрицал революцию в России и в ноябре 1905 г. «Вся эта гражданская манифестация (Всероссийская октябрьская стачка. — К.С.) грозила разрешиться в ничто, в мыльный пузырь и лишь обнаружить ещё раз, до какой степени фактически невозможна у нас революция даже при полной забастовке самой власти..., вдруг в ту минуту, когда этого всего менее можно было ожидать, появляется Манифест, которым царь уступил», — описывал ситуацию 9 ноября 1905 г. публицист и общественный деятель Ф.Д. Самарин⁶.

Другие публицисты, общественные деятели революцию признавали, но как бы оправдывали её перед своими взыскательными читателями, отказывавшимися верить, что революция в России могла принять такие «скромные формы». В октябре 1905 г. социолог и публицист С.Н. Южаков полагал, что в России

³ Проект манифеста о событиях 9 января // Красный архив. 1925. Т. 11–12. С. 54–56.

⁴ Суворин А.С. Указ. соч. С. 364, 370.

⁵ РГАЛИ, ф. 1447, оп. 1, д. 39, л. 460.

⁶ ОР РГБ, ф. 265, к. 153, д. 3, л. 13.

происходила особая, «мирная революция»: «Не на баррикадах одерживает свои победы народная революция в России. На улицах торжествует тройственный союз черносотенной губернской администрации, её полиции и мобилизованных ими жуликов и хулиганов»⁷. С.Н. Прокопович отмечал, что отсутствие привычных форм революционного насилия отнюдь не является препятствием к тому, чтобы полагать события 1905 г. революционными: «Там (в Пруссии, во Франции. — К.С.) было вооружённое восстание народа против правительства, победа народа над войсками в уличной борьбе, баррикады и кровь, захват власти над столицей и временное правительство, — здесь был только отказ в работе, остановивший всю экономическую, общественную и государственную жизнь страны. Несмотря на различие форм, результат один: капитуляция абсолютизма перед волей народа. Очевидно, и революции подлежат эволюции, — в зависимости от изменений всей совокупности общественных отношений»⁸.

Таким образом, одни современники отрицали сам факт революции в России, другие же признавали её наличие — и при этом неизменно отмечали особый характер процессов, разворачивавшихся в России. У этой проблемы есть «бытовое» объяснение. Английский журналист М. Бэринг поражался тому, как сложно сформулировать то, что происходит в России. Это трудно понять из Англии: слишком много идёт информации из России — и из-за деревьев не видно леса. И главное: с этим нелегко определиться и в самой России, где у каждого был свой опыт переживания 1905 г., в большинстве случаев мало отличавшийся от дореволюционного. И сам Бэринг признавался, что в повседневной жизни Петербурга декабря 1905 г. он не увидел признаков свершавшейся революции⁹.

Масштаб событий 1905 г. казался недостаточным. Современники большего ожидали от следующего года. В значительной мере эти настроения подогревались выборами в Думу и началом её работы, которые, казалось, должны были стать поворотными в истории страны. Сенатор Н.А. Хвостов писал 26 марта 1906 г.: «Нам нечего закрывать глаза на совершающееся. Революция форменная и события очень напоминают Францию в конце XVIII в.: та же трусость и неспособность наверху и какое-то озверение во всей стране»¹⁰. По мнению Бэринга, с началом работы Государственной думы Россия вступала в свой «1789 год»¹¹. В апреле 1906 г. схожую мысль высказал и историк Н.И. Кареев, прежде много и плодотворно занимавшийся как раз революцией во Франции конца XVIII в.¹²

Иными словами, привычное в историографии повествование о событиях Первой русской революции несинхронно их восприятию современниками. Это свидетельствует, прежде всего, о том, что человек эпохи революции не вполне ощущал её ритм. Он мерил её эталоном прежних времён и надеялся, что массы или их законные представители так или иначе выйдут на авансцену и решат судьбу России.

По этой причине Манифест 17 октября не считался современниками ключевым событием тех лет: ведь, казалось, «настоящая» революция не может де-

⁷ Южаков С.Н. Политика // Русское богатство. 1905. № 10. С. 149.

⁸ Прокопович С.Н. Эволюция революции // Право. 1905. 25 октября. № 41. Стб. 3401.

⁹ Baring M. A year in Russia. L., 1907. P. 45.

¹⁰ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: Материалы перлюстрации Департамента полиции. М., 2014. С. 13.

¹¹ Baring M. Op. cit. P. 205.

¹² Кареев Н.И. К вопросу о разгоне Думы // Речь. 1906. 21 апреля.

латься в бюрократических канцеляриях – пускай даже и под давлением общест-венности и широких масс населения. Тем не менее именно в канцеляриях всё было подготовлено для этого акта, чьё издание особо выделяется в «летописи» Первой революции. Путь к нему был проложен ещё министром внутренних дел П.Д. Святополк-Мирским при разработке Указа 12 декабря 1904 г., затем Ко-митетом министров под председательством С.Ю. Витте, совещанием во главе с А.Г. Булыгиным, совещанием Д.М. Сольского. При том, что у этих коллегий были свои, во многом отличавшиеся цели и задачи, они неизменно продол-жали работу друг друга. С.Н. Южаков, выделяя наиболее характерные черты революции, отметил, что революция действует «не законообразно, а только целесообразно»¹³. Однако революционные подвиги 1905 г. вполне укладыва-лись в рамки «законообразности» того времени.

Российской же бюрократии было суждено сыграть немалую роль в истории Первой революции. Одним из важнейших факторов политического кризиса было то, что высокопоставленное чиновничество в значительной части ока-залось оппозиционным по отношению к существовавшему режиму. В январе 1905 г. образовался кружок, состоявший преимущественно из таких лиц. На его собраниях ставился вопрос о необходимости политической реформы – прежде всего об учреждении всероссийского представительства. В обсуждении этих вопросов принимали участие товарищ министра финансов А.Д. Оболенский, министр земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолов, начальник Главного управления уделов В.С. Кочубей, петербургский губернатор А.Д. Зи-новьев и др.¹⁴ К заседаниям кружка был привлечён С.Н. Трубецкой, чьи кон-ституционалистские симпатии не были секретом. Весьма характерен состав возникшего в апреле 1905 г. «Отечественного союза», резко критиковавшего существовавший режим (пускай и со славянофильских позиций). Членами объ-единения были также высокопоставленные бюрократы, преимущественно из Министерства внутренних дел: начальник Земского отдела МВД В.И. Гурко, начальник канцелярии МВД Д.Н. Любимов, директор канцелярии МВД по де-лам дворянства Н.Л. Мордвинов, директор департамента личного состава МВД А.И. Буксгевден, бывший товарищ министра внутренних дел А.С. Стишин-ский. В сравнительно немногочисленный «Отечественный союз» (приблизительно 400 человек) вошли 8 сенаторов, 15 генералов¹⁵.

Может быть, ещё более значима бросавшаяся всем в глаза растерянность «высших сфер», выбитых из колеи ускорявшимся ходом событий и дезориен-тированных в менявшемся политическом пространстве. А.А. Бобринский за-писал в дневнике 23 марта 1905 г.: «Государь всё также без воли, спит... Фре-дерикс играет политическую роль с отвратительными нулями *a la* Мосолов и Путятин. Витте безмолвствует, как приплюснутая жаба. Государь и его импе-ратрицы сидят в строжайшем заперти в Царском Селе. Великие князья – в со-стоянии абсолютной терроризации»¹⁶.

Мысль о возможности ужесточения репрессивной политики вызывала не-приятие у многих чиновников. В мае 1905 г. директор департамента общих дел МВД А.Д. Арбузов спросил у чиновника министерства Н.Н. Жеденева, что, по

¹³ Южаков С.Н. Указ. соч. С. 150.

¹⁴ РГАДА, ф. 1412, оп. 8, д. 292, л. 175 об.

¹⁵ Там же, оп. 2, д. 276, л. 2, 9, 11, 29, 37–38, 51, 61, 67–68, 82, 96, 120, 127, 153, 256; д. 277, л. 304, 360.

¹⁶ Дневник А.А. Бобринского // Красный архив. 1928. № 1. С. 131.

его мнению, необходимо сделать для водворения порядка. Жеденев видел спасение в «крепкой власти». Арбузов же был иного мнения: «23 года проявлялась эта крепкая власть, и вот что из неё вышло – беспорядок, который мы теперь переживаем. Нет, таких, как вы, нам не надо»¹⁷.

Издание же Манифеста 17 октября стало радостным событием для весьма влиятельных государственных служащих. По воспоминаниям В.И. Гурко, товарищ министра внутренних дел Д.Ф. Трепов был чрезвычайно доволен этим решением и заметил начальнику петербургского охранного отделения А.В. Герасимову: «Вся страна будет завтра праздновать великий патриотический национальный праздник рождения новой, свободной России». Столичный градоначальник В.А. Дедюлин собрал «у себя вечером 17 октября высших чинов полиции, читает им манифест, целует его и приступает затем к обсуждению не столько способов охранения спокойствия в городе, сколько порядка оглашения манифеста, причём даже высказывается мысль об объявлении его посредством особых герольдов». Примерно тогда же, в начале ноября, государственный контролёр Д.А. Филосовов и министр путей сообщений К.С. Немешаев высказывались в пользу введения всеобщего избирательного права. По мнению Гурко, присутствовавшего на заседании Совета министров, лишь благодаря вмешательству Витте эти руководители ведомств отказались от столь радикальных требований¹⁸.

Таким образом, верховная власть не могла быть уверена в поддержке даже своих ближайших сотрудников. Чиновники, будучи представителями общества, были подвержены колебаниям общественного мнения и настроений, что в условиях политического выбора 1905 г. ставило под вопрос жизнеспособность существовавшего режима. Эта проблема осознавалась и современниками как ключевая для понимания природы революционного процесса. По словам правоведа Д.Д. Гримма, «психологический момент для падения абсолютно-бюрократической системы наступает не тогда, когда физическая сила переходит на сторону оппозиции, а тогда, когда власть в силу внутренней дезорганизации и деморализации становится неспособной к органической работе»¹⁹. «Сила старого строя заключалась в организации управляющих при дезорганизации управляемых; суть переходного времени заключается в организации управляемых (собственно, только более сознательной части их) при дезорганизации управляющих», – писал представитель левого крыла «Союза освобождения» Г.А. Ландау²⁰. Впоследствии, в 1908 г., А.С. Изгоев утверждал: история «показывает, что победа революции всегда обуславливалась слабостью защиты, а не силой нападения. Старый порядок, чувствуя, как отворачиваются все живые силы страны, как негодование против него делается всеобщим, национальным, погружается в какой-то маразм, поражается параличом воли и сдаётся задолго до того, как истощает все силы для своей защиты»²¹.

Помимо всего прочего, на событиях 1905 г. сказывалась и старая «болезнь» системы управления России – укоренённая в ней бюрократическая анархия, выражавшаяся в непримиримой борьбе ведомств, несогласованности их действий. Когда в сентябре 1905 г. в ответ на беспорядки в университетах министр народного просвещения В.Г. Глазов просил принять «строгие меры» в отноше-

¹⁷ Богданович А.В. Три последних самодержца. М., 1990. С. 347.

¹⁸ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 469, 480–481.

¹⁹ Гримм Д.Д. Наше политическое положение // Право. 1905. 15 апреля. № 15. Стб. 1168.

²⁰ Ландау Г.А. Административная хроника // Вестник права. 1905. Кн. 2. С. 286.

²¹ Изгоев А.С. Большевистские дурачки и умники // Русская мысль. 1908. № 7. С. 197.

нии учащихся, Витте и Ермолов выступили категорически против. А Д.Ф. Трепов в ответ на просьбу помочь министерству заметил: «Если ваши студенты будут бунтовать на улице, я их усмирю, а если они бунтуют в стенах университета – то это ваше дело, не моё!»²².

Разнонаправленность действий высшей бюрократии, непримиримые противоречия между её представителями и, что самое главное, отсутствие общего политического курса – всё это само по себе порождало и политический кризис, и одновременно модель выхода из него. «Обновлённый» государственный строй стал результатом труда чиновников, в котором сказались характерные для бюрократии черты – формальное единство подходов при фактическом отсутствии единства взглядов, а также представление о непрерывности законодательного процесса. Складывавшаяся политическая система походила на геологическую породу, где один «слой» нарастал над другим. Так, согласно ст. 86 Основных законов, ни один закон не мог обрести силу, если не был утверждён Думой и Государственным советом. В то же время законодателем последовательно проводился принцип монархического суверенитета. Соответственно, единственным источником власти оставалась воля императора. Полномочия Думы были соотнесены с прерогативами дореформенного Государственного совета. Именно поэтому бюджетные правила 1906 г. во многом совпадали с прежними, определявшими порядок утверждения государственной росписи Государственным советом, что на практике сильно затрудняло функционирование министерств. Продолжали работу бюрократические учреждения, фактически обладавшие законодательными полномочиями: Военный совет, Адмиралтейств-совет, Комитет финансов и др.

Первая революция стала «большим взрывом», в результате которого система разлетелась на «кирпичики» «старого порядка». Впоследствии, когда она собиралась заново, это была уже другая, новая система, правда большей частью состоявшая из старых «кирпичиков».

²² Киреев А.А. Дневник. 1905–1910. М., 2010. С. 91.

Когда началась революция 1905 года?

Владислав Гросул

When did the revolution of 1905 begin?

Vladislav Grosul (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)

Я остановлюсь только на одном вопросе истории революции 1905 года, а именно на том, когда она началась. В 1900 г., вскоре после назначения на важнейший правительственный пост министра внутренних дел, Д.С. Сипягин предпринял поездку по России. Результатом её стало заключение: в стране «творится что-то неладное и порождается революция»¹. В 1902 г. Сипягин

© 2016 г. В.Я. Гросул

¹ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 88.